

ЦК КПСС
 45243
 20 НОЯ 1962
 6-й СЕКТОР
 ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
 в ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

Товарищу Н.С.ХРУЩЕВУ

Представляю текст обнаруженных в трофейных немецких архивах (оригиналы на немецком языке) донесений быв. посла гитлеровской Германии в СССР Шуленбурга в германское министерство иностранных дел от 25 января, 1 февраля и 8 февраля 1937 года.

В этих донесениях Шуленбург излагает свои впечатления и соображения в связи с проходившим в 1937 году в Москве процессом "троцкистского параллельного центра". Материал представляет известный интерес.

Приложение: по тексту на 26 листах.

А. Драммис

" 20 " ноября 1962 года

№ 3387/ГС

В архив
ИП-64. Липов

4088

Копия, Политический
отдел, У 441

25
Секретно.

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
Журнал № А/185
Приложение I.

Перевод с немецкого

Москва, 25 января
1937 года

Содержание: Процесс против троцкистского параллельного центра.
Предыстория.
Начало процесса.
Обвинительный акт.

В ходе процесса, проводившегося в конце августа 1936 года против террористского центра Троцкого-Зиновьева, Сокольников и Серебряков были сильно скомпрометированы показания обвиняемых. Выяснилось, что оба уже тогда находились под арестом. Против также скомпрометированных вождей бывшей правой оппозиции Томского, Рыкова, Бухарина и против старых сторонников Троцкого Радека и Пятакова прокурор возбудил следствие. В заключительный день процесса против Каменева-Зиновьева Томский покончил жизнь самоубийством, руководствуясь, пожалуй, как показали последующие события, позднее оправдавшими себя соображениями, что он безнадежно потерян. Пятаков, занимавший пост первого заместителя народного комиссара тяжелой промышленности, был арестован в сентябре 1936 года. Рыков потерял свой пост народного комиссара почт и телеграфа, его место занял Ягода. Радек, осуществлявший вплоть до августа 1936 года активную деятельность в качестве журналиста, пишущего передовые статьи по внешнеполитическим вопросам в газете "Известия", со времени процесса не выступал более публично. Прошли слухи, что он арестован; другие утверждали, что он находится лишь под домашним арестом на своей даче. Советское посольство в Берлине опровергло сообщение о его аресте. Однако Бухарин, несмотря на проводившееся против него следствие, продолжал под-

45243

писываться еще за несколько дней до начала нового процесса против параллельного центра как главный редактор газеты "Известия".

Поэтому уже в конце лета и осенью 1936 года все ожидали, что судебная комедия против Каменева-Зиновьева вскоре будет иметь свое продолжение, тем более, что в местной печати повторялись статьи против правой и левой оппозиции. Но когда прошли месяцы и в общественность ничего не проникло о новом процессе, распространилось мнение, что вышеназванные лица будут осуждены в административном порядке при закрытых дверях и, возможно, даже в более мягкой форме. Это мнение обосновывалось между прочим указанием на то, что здешние власти после неблагоприятного впечатления процесса против Каменева-Зиновьева на границу не совершат еще раз той же самой ошибки. Однако, это мнение было опровергнуто дальнейшим ходом событий. Дальнейший ход событий доказал правоту тех, которые указывали, что неблагоприятное впечатление прежних показательных процессов Киндерман-Волшт, Шахты, Рамзин, Метро-Викерс на границу не удержали Сталина и советских власть имущих от инсценировки процесса против Каменева-Зиновьева и что вследствие этого против остальных сторонников прежних оппозиционных движений будут также приняты меры теми же средствами, которые, по-видимому, оправдали себя с точки зрения их внутривнутриполитического воздействия.

20 января с.г. местная печать опубликовала сообщение Прокуратуры СССР, согласно которому 23 января с.г. начнется открытый судебный процесс против состоящего из 17 обвиняемых троцкистского параллельного центра. Более подробные данные по личности и

биографии обвиняемых содержит сводка, направляемая в качестве приложения. Следует подчеркнуть, что по меньшей мере семь обвиняемых являются евреями; в процессе против Каменева-Зиновьева из 16 обвиняемых было 11 евреев. В то время как процессом против Каменева-Зиновьева надо было лишь физически уничтожить старых оппозиционеров, уже давно потерявших свой пост и большей частью даже арестованных или сосланных, в этот раз, прежде всего в лице Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и Лившица, перед судом стоят люди, которые незадолго до ареста занимали влиятельные посты. Следует упомянуть, что два обвиняемых, а именно Шестов и Строилов, выступали в Кемеровском процессе (процесс Штиклинга) в качестве "свидетелей"; ведь любимым методом советской юстиции является обмен обвиняемых по различным процессам в качестве свидетелей и их выступления. Обвиняемые Арнольд и Дробнис уже упоминались в Кемеровском процессе. О четырех обвиняемых, а именно о Князеве, Туроке, Граше и Пушине, не известны никакие более подробные данные; не исключается, что, как и в прежних процессах, среди них следует искать провокаторов.

В течение трех дней между опубликованием сообщения Прокуратуры и началом процесса местные газеты развернули превосходившую все имевшее до сих пор место кампанию оскорблений против обвиняемых, которые разоблачались как подонки человечества, как негодяи и предатели родины. Они клеймились как преступники, которые хуже, чем Деникин и Колчак, даже "хуже, чем фашисты". Какая

ирония судьбы, если вспомнить статьи Радека и Пятакова во время процесса против Каменева-Зиновьева, в которых они поносили тогдашних обвиняемых самым низким образом и требовали их уничтожения.

Уже перед началом судебного процесса можно было прочесть между строк газетных статей содержание приговора - смертную казнь через расстрел. После таких высказываний прессы, целиком и полностью отражающей волю и мнение руководящих кругов, суду предписан его путь в процессе и определении приговора. Тем самым процесс с самого начала был заклеимен как судебная комедия. Подлинные судьи находятся вне зала заседаний суда, судейской коллегии уже передана роль палача.

Внешнее оформление процесса против параллельного центра является таким же, как и в процессе против Зиновьева-Каменева. Процесс начался 23 января с.г. в Доме профсоюзов в Москве перед военной коллегией Верховного Суда СССР под председательством известного В.В.Ульриха. Представителем обвинения вновь является государственный прокурор СССР А.Я.Вышинский. В начале процесса был зачитан обвинительный акт.

В обобщающей части обвинительного акта, в так наз. формуле обвинения, констатируется, что в ходе предварительного следствия обвиняемые уличены в следующих наказуемых действиях: Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков осуществили организацию и руководство параллельного центра (параллельного блоку Зиновьева-Каменева) на основании указания Троцкого в 1933 году. Задачей этого центра был шпионаж в пользу иностранных государств, вреди-

тельство, прежде всего на предприятиях оборонной промышленности и на железнодорожном транспорте, подготовка террористских актов против вождей коммунистической партии в Советском Союзе. Целью этой деятельности был подрыв военной мощи Советского Союза, поддержка иностранных агрессоров при захвате советской территории и при расчленении Советского Союза. Свержение Советской власти и реставрация капитализма в Советском Союзе. Радек и Сокольников вступили в связь с представителями некоторых иностранных государств с целью организации совместной борьбы против Советского Союза. Другие участники и члены центра поставляли иностранным службам разведки важный секретный материал, осуществляли акты саботажа, которые приводили к человеческим жертвам и ослабляли оборонительную мощь Советского Союза, и пытались осуществлять террористические акты.

Собственно обвинительный акт стремится обосновать и доказать по отдельности эти чудовищные обвинения, содержащиеся в обвинительной формуле, которые звучат неправдоподобно уже вследствие их нагромождения. Однако в качестве доказательства, несмотря на констатацию формулы обвинения, которая говорит о документах и материальных уликах, приводятся лишь признания обвиняемых, свидетельские показания других арестованных или уже осужденных лиц, письма, которые, если они вообще существовали, уже уничтожены и "дословно восстановлены" показаниями самих обвиняемых, далее документы, существование которых симулируется указаниями дат, но содержание которых не цитируется, и наконец, беседы с такими лицами, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей.

Не может быть ни малейшей речи об убедительной юридической аргументации. Обвинительный акт рассчитан на грубое пропагандистское воздействие и действует грубыми методами извращения и обмана, рассчитанными на незнание и низкий уровень образования населения Советского Союза. Местами обвинительный акт даже не старается доказать свои подтасовки. Он просто ограничивается стереотипной формулировкой "следствие установило, что..." и местами напоминает своим внешним видом сценарий бульварного фильма.

Чтобы оклеветать обвиняемых перед советской общественностью, а Троцкого — перед иностранными коммунистическими партиями как низких изменников родины, обвинительный акт стремится путем ничем не обоснованных и целиком высосанных из пальца констатаций, а также путем притянутых за волосы и шатких признаний обвиняемых построить связь Троцкого и обвиняемых с Германией и Японией, двумя злейшими врагами коммунизма. В процессе против блока Каменева-Зиновьева обвиняемым приписывалась лишь связь с Германией. В этот раз была притянута также Япония. В этом выражается досада здешних властей имущих на германо-японское соглашение и стремление разоблачить обе страны как империалистических нарушителей спокойствия и очагов опасности для мира во всем мире.

Обвинительный акт пытается построить связь с Германией главным образом в следующих четырех случаях:

После того, как обвинительный акт путем показаний Пятакова, Сокольникова и Радека пытался доказать, что Троцкий считал необходимым и рекомендовал контакт с иностранными правительствами для свержения Советской власти, он прямо переходит к ничем не обоснованной констатации, что Троцкий вступил в переговоры с одним из руководителей германской национал-социалистской партии о совместной борьбе с Советским Союзом. Само собой разумеется, что отсутствуют всякие данные, когда и где состоялись эти переговоры, замалчивается также имя этого руководителя. На основании показания Пятакова констатируется далее, что Троцкий заключил с этим руководителем национал-социалистской партии далеко идущее, прямо-таки кажущееся фантастическим политическое соглашение, которое не только устанавливает общее сотрудничество, но и предусматривает экономические концессии и даже территориальные уступки. Обвинительный акт пытается затем при помощи письма Троцкого Радеку в декабре 1935 года сделать правдоподобным содержание этого соглашения. Это письмо Троцкого было уничтожено Радеком по соображениям конспирации и поэтому дословно восстановлено и приводится на основании показаний Радека. Тем самым у читателя, не знакомого с советскими методами, должно быть создано впечатление, как будто письмо Троцкого действительно имело место. Это письмо говорит между прочим об уступке Украины Германии.

Только на показании Пятакова о беседе с Троцким обвинительный акт основывает кажущуюся плохой шуткой констатацию, что выше упомянутое политическое соглашение было разработано и принято во время встречи Троцкого с заместителем фюрера Рудольфом Гессом. Обвинительный акт опускает какое-либо сообщение, когда и где должна была состояться эта встреча.

Во-вторых, обвинительный акт утверждает, что Радек и Сокольников установили по указанию Троцкого связи с представителями иностранных держав в Москве. Из контекста недвусмысленно вытекает, что имеются в виду представители Германии и Японии. В качестве доказательства вновь служат лишь показания Радека и Сокольникова. Так, Радек показал, что утверждение Троцкого о его контактах с представителями определенного правительства не было просто болтовней. Он мог убедиться в этом во время бесед на дипломатических приемах в 1934-1935 годах "с военным атташе г-ном... и пресс-атташе... посольства г-ном...". Оба в осторожной форме дали понять, что ...правительство поддерживает контакт с Троцким. Имена военного атташе и пресс-атташе не называются, точно также - обозначение посольства и правительства. Из контекста, однако, недвусмысленно вытекает, что имеются в виду генерал-майор Кёстринг и представитель Германского информационного бюро и советник посольства по делам печати Вильгельм Баум, так как впоследствии пресс-атташе ...посольства более подробно характеризуется как очень хорошо информированный представитель Германии, а военный атташе обозначается начальной буквой своего имени К. В своих других донесениях я уже указывал на то, что эти признания Радека о его беседах с Кёстрингом и Баумом целиком

взяты с потолка. Действительным в этих измышлениях судебного следователя и Радека является лишь тот факт, что Кёстринг и Баум время от времени беседовали с Радеком на официальных дипломатических приемах.

В-третьих, обвинительный акт на основании показаний Ратайчака, Пушина и Граше констатирует, что параллельный центр осуществляет по заданию германской разведки вредительство и шпионаж на предприятиях химической промышленности. В качестве связанного с германской разведкой действовал согласно утверждениям германский подданный Ленц, работавший монтером фирмы "Линдес Айсмашинен" в Советском Союзе. Ленцу якобы передавался Пушиным ценный материал о производстве и новом строительстве на предприятиях химической промышленности в первую половину 1935 года. Ленц уже в конце 1935 года окончательно покинул Советский Союз. Такую же шпионскую деятельность осуществляли якобы Шестов и Строилов, выступавшие уже в процессе Штиклинга в качестве свидетелей обвинения.

Четвертая связь, построенная обвинительным актом в отношении Германии, является также совершенно фантастической и не заслуживает того, чтобы быть принятой всерьез. Вновь лишь на основании показаний обвиняемого Пятакова, за которыми виден усердный судебный следователь, констатируется, что на основе соглашения между Троцким и некоторыми германскими фирмами троцкисты финансировались этими фирмами и что соответствующие фирмы извлекали для этого средства путем надбавки на цены товаров, поставляемых в Советский Союз. Пятаков признал, что он получил

от сына Троцкого - Седова указание давать больше заказов фирмам "Демаг" и "Борзиг". В своих последующих показаниях Пятаков называет "Демаг" "фирмой высокого качества", чьи высокие экспортные цены казались оправданными.

Случаи связей параллельного центра с Германией, о которых утверждает обвинительный акт, разоблачают сами себя вследствие полной недостоверности. С первого же взгляда они оказываются фантастическими измышлениями чрезмерно усердных органов следствия и прокуратуры.

В такой же грубой прозрачной форме обвинительный акт пытается впутать и Японию. Это осуществляется прежде всего путем показаний Сокольникова о его мнимой беседе с одним японским представителем в Москве. Как следует из контекста, дело идет при этом об уже уехавшем японском после Охта. Некоторые обвиняемые превосходят друг друга в своих признаниях о шпионаже и вредительстве в пользу японской разведки.

Два первых дня судебного процесса не принесли никаких неожиданностей для всех тех, кто знает здешние методы проведения показательных процессов. Сначала были допрошены обвиняемые Пятаков, Радек и Сокольников. Их показания о связях с Германией и Японией в основном не шли дальше того, что уже стоит в обвинительном акте. Из самой сущности лживого построения обвинительного акта вытекало, что обвиняемые не могли делать никаких конкретных показаний о их связях с Германией и Японией, так как в таком случае заправила процесса были бы подвергнуты

опасности опровержений. Загадочный полумрак, в котором режиссеры оставили связь с Германией и Японией, затрудняет опровержение и разоблачение этого лживого измышления.

И не думаю, чтобы процесс, если не считать новых арестов, даст еще много интересного. Все участвующие в нем актеры будут играть переданные им или задуманные для них роли. Заключительную оценку я оставляю за собой до конца процесса.

Наконец, следует также упомянуть, что Бухарин, кажется, тем временем арестован и что растут слухи, что и Рыкову уготовлена его судьба. Не пощажены также и старые вожди правой оппозиции.

Подпись - Шуленбург

В Министерство Иностранных Дел
Б е р л и н

Перевел: *V. Monoh*
(В. Попов)

Копия, Политический
отдел, У 441/37

Секретно.

Перевод с немецкого

ПЯТАКОВ. Экономист. Сын киевского сахарного фабриканта. "Левый" большевик. Неоднократно боролся в качестве такового против Ленина и Сталина. В 1927 году торгпред в Париже, затем президент Государственного банка. 19.X.1930 г. назначен Председателем правления Главного управления химической промышленности. 22.УП.1931 г. назначен первым заместителем Председателя Высшего Совета народного хозяйства Советского Союза. 28.XII.33г. получил за "умелое руководство и организацию химической промышленности" орден Ленина. Указом ВЦИК от 11.У.1934г. назначен заместителем народного комиссара тяжелой промышленности. Член партии с 1910 года.

РАДЕК. Журналист. Родился в 1885 г. в Галиции. В апреле 1917 г. прибыл в "запломбированном вагоне" в Россию. В 1918 году принадлежал к "левым" большевикам и боролся в качестве такового против заключения Брестского мира. В 1920 году - секретарь ИККИ, до 1924 года также член ЦК Партии. В 1924 году присоединился к троцкистам. В декабре 1927 г. исключен из партии, в 1930 году вновь принят в партию. С 1932 года - член редакции газеты "Известия". В июле 1935 года избран Председателем Подкомиссии по избирательной системе при Комиссии по выработке конституции. Член партии с 1902 года.

СОКОЛЬНИКОВ. Политический деятель. Настоящее имя Бриллиант. Сын владельца одной московской аптеки. Жил долгое время до войны в качестве эмигранта во Франции. С 1923 года до примерно

1926 года был комиссаром финансов Советского Союза. В качестве защитника так наз. "товарной интервенции" и подобных проектов по существу являлся правым оппозиционером. Примерно с 1929 года до 7.X.1932 года посол в Лондоне. Затем член Коллегии Комиссариата иностранных дел и вскоре затем заместитель комиссара иностранных дел. 18.Y.1935 г. назначен первым заместителем Народного комиссара лесной промышленности. 16.YI.1936 года лишен этого поста.

СЕРЕБРЯКОВ. Транспортник. Примерно с 1923 года до примерно 1930 года входил в Коллегию Комиссариата путей сообщения и в качестве такового одно время был директором Восточно-китайской железной дороги. С 4.YIII.1935 г. и предположительно до ареста - первый заместитель начальника "Цудотранса" (Центрального управления шоссейных и проселочных дорог и автохозяйств). Член партии с 1905 года.

МУРАЛОВ. Солдат. Первый большевистский командующий Московским военным округом. После больших внутрипартийных боев в 1927 г. потерял свой пост в Государственной плановой комиссии и был сослан в Сибирь. С тех пор о нем ничего не было слышно. Член партии с 1903 года.

ЛИВШИЦ. Осенью 1935 года - второй заместитель комиссара путей сообщения.

ДРОБНИС. В 1923 году член так наз. "Малого совета народных комиссаров".

БОГУСЛАВСКИЙ. Политический деятель. Заместитель Председателя Московского Совета при Каменеве. За участие в оппозиции Троцкого сослан в Сибирь, где он занимал осенью 1932 года пост руководителя строительства одного крупного завода горного машино-

строения в Новосибирске.

РАТАЙЧАК. Экономист. 21.П.1932 года назначен заместителем народного комиссара тяжелой промышленности по химии. Летом 1935 г. он был начальником Главного управления химической промышленности.

НОРКИН. Примерно в 1931 году был начальником^{I/} Главного управления химической промышленности.

ШЕСТОВ. Фигурировал в Кемеровском процессе в качестве "свидетеля" ("Процесс Штиклинга").

СТРОИЛОВ. Главный инженер Управления угледобывающей промышленности в Кузнецке. Выступал в процессе Штиклинга в качестве "свидетеля". 8.УП.1935 года получил орден Трудового Красного Знамени.

АРНОЛЬД. Шофер, который согласно показаниям свидетелей в Кемеровском процессе должен был убить Председателя Совета Народных Комиссаров Молотова путем фальсифицированной автомобильной катастрофы.

Об обвиняемых Князеве, Туроке, Граше и Пушине неизвестны никакие более подробные данные.

Перевел: *В. Попов* (В. Попов)

I/ В оригинале - Komissarischer Leiter.

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
Журнал № А/270

Москва, 1 февраля 1937 года

В связи с донесением от 25 января с.г. - А/185.

Содержание: Процесс против троцкистского параллельного центра.
Характеристика процесса.
Ход процесса, привлечение Германии.
Обвинения против Японии.
Закулисная сторона и цель процесса.

Только что закончившийся судебный процесс против так наз. троцкистского параллельного центра, точно так же как и прежние показательные процессы в Советском Союзе, не может рассматриваться и оцениваться с точки зрения понятий Западной Европы. Судебный процесс уже внешне представлял собой публичный процесс перед следственным судьей, а не процесс, отвечающий положениям нашего уголовно-процессуального права. Слушание дела представляло собой непрерывный диалог между прокурором и отдельными обвиняемыми, которые с полной готовностью останавливались на наводящих вопросах прокурора и отвечали как ученики учителю. Председатель суда осуществлял свои функции чисто формально и ограничивался тем, что удовлетворял требования прокурора. Защитники (лишь трое обвиняемых запросили их) почти не выступали в ходе процесса и выступили лишь в заключении его с защитительными речами, которые в первую очередь носили характер заявления о лояльности по отношению к господствующей системе и в которых они лишь весьма нерешительно выступали за признание смягчающих обстоятельств. Так наз. самозащита остальных обвиняемых равнялась отказу от защиты, поскольку прокурор практически не допускал таковой в руководимой им диктаторскими методами игре вопросов и ответов. Обвиняемые не использовали даже

заключительного слова для своей защиты, так как это противоречило бы потрясающей своей жестокостью режиссуре процесса. Все обвиняемые уже признали себя виновными в начале процесса после зачитания обвинительного акта.

Внешнее подразделение хода разбора дела было примерно следующее: сначала были допрошены четыре организатора и руководителя параллельного центра - Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков. Вторую часть допросов составили показания так наз. сибирской группы центра - Муралова, Дробниса и их сторонников об их преступной деятельности, которую они осуществляли главным образом в угольном бассейне Кузбасса. Третий комплекс относился к преступной деятельности Лившица и других в области железнодорожного транспорта. Четвертое место занимали преступные действия Ратайчака и др. в химической промышленности.

Германия была втянута во все вышеназванные группы вопросов за исключением железнодорожного транспорта, который выпал на долю японцев. Содержавшиеся в обвинительном акте обвинения Германии уже приведены в предыдущем донесении от 25 января с.г. - А/185. Судебное разбирательство установило кроме этого следующие обвинения против Германии:

1) Прокурор стремился подтвердить деталями при помощи свидетельского показания доставленного из заключения бывшего корреспондента "Известий" в Берлине Бухарцева фантастическую выдумку о полете Пятакова в декабре 1935 года из Берлина в Осло для переговоров с Троцким, чтобы сделать ее более достоверной. Это показание Бухарцева должно было создать впечатление, будто в осуществлении этого полета участвовали германские официальные инстанции. Однако

кроме этого единственного показания, которое к тому же производило совершенно недостоверное впечатление, не были приведены никакие доказательства подобных действий германских инстанций. Наведенные затем прокуратурой у советской миссии в Осло справки о возможности использования аэродрома Осло зимой, ничего не доказывают.

2) Показания Радека о его якобы имевших место переговорах с военным атташе генералом Кёстрингом и советником по делам печати В.Баумом были дополнены Радеком по желанию прокурора в конце допросов. Цель дополнительных показаний Радека также состояла в том, чтобы при помощи деталей сделать более достоверными изображаемые события. В самом деле, эти дополнительные показания Радека лишь еще раз преследовали цель сознательно приписать этим самим по себе безобидным беседам смысл, отвечающий тезису обвинения.

3) Самыми подробными были антигерманские показания в связи с угольным бассейном Кузбасса, причем проводилась связь с новосибирским процессом против вредителей (процесс Штиклинга). Особенно обвиняемые Шестов и Строилов, а также приведенный из тюрьмы свидетель обвинения Штейн показали, что они осуществляли акты саботажа по заданию различных немецких фирм и занимались шпионажем по заданию германской разведки. При этом они сотрудничали с немецкими специалистами в Советском Союзе. В качестве характерного следует подчеркнуть, что почти все названные немцы покинули Советский Союз. Показания обнаружили намерение как всегда найти козлов отпущения за несчастные случаи на предприятиях и другие неполадки в советской промышленности. В соответствии с тезисом обвинения для этого понадобились немцы. Эти обвинения были усилены прокурором. В этой

связи он выудил из обвиняемых, что при этом действовало официальное немецкое лицо. Этот намек относился прозрачным образом к тогдашнему немецкому консулу в Новосибирске, не называя, правда, при этом имени г-на Гросскопфа. Согласно служебному донесению генерального консула Гросскопфа выдвинутые против него обвинения являются совершенно необоснованными.

4) В связи с преступной деятельностью, которую обвиняемые якобы осуществляли в химической промышленности, кроме уже упомянутого в обвинительном акте немецкого подданного Ленца, в ведении экономического шпионажа был также обвинен бывший представитель немецких фирм в Москве Пауль Мейровиц.

Параллельно к обвинениям против Германии выдвигаются обвинения против Японии, которые в отдельных своих пунктах являются еще более злостными (шпионаж, осуществление крушений на железных дорогах, подготовка бактериологического заражения поездов с воинскими частями в случае войны).

После судебного процесса, длившегося 7 дней, был вынесен приговор. Он объявляет обвинения во всех их существенных пунктах доказанными и приговаривает 13 обвиняемых, среди них Пятакова и Серебрякова к смертной казни. Четыре обвиняемых, среди них Радек и Сокольников, были приговорены к 8-10 годам тюремного заключения. Мягкая форма наказания против Радека и Сокольникова вызвала в здешних дипломатических и журналистских кругах большое удивление, ведь Радек и Сокольников относились к руководителям и организаторам параллельного центра. Это странное решение суда, приговорившего двух главных зачинщиков к тюремному заключению, большую часть руководимых ими лиц к смертной казни, объясняется мно-

гими участием заграницы в судьбе Радека и Сокольников. Якобы в Москву поступили многочисленные телеграммы с заступничеством за Радека и Сокольников. Поэтому здешние власти сделали в случае Радека и Сокольников уступку загранице, чтобы смягчить неблагоприятное впечатление от процесса. Другие усматривают в мягкости приговора Радеку и Сокольникову возможно обещанную еще до начала процесса награду за их ценное содействие успеху процесса. Возможно, что считают полезным иметь возможность вновь прибегнуть к Радеку и Сокольникову в последующем процессе.

Из выдвинутых против Германии обвинений приговор сохранил следующие:

- 1) Переговоры Гесс-Троцкий;
- 2) Ведение переговоров Радеком с "отдельными представителями Германии",
- 3) Участие агентов германской разведки в актах саботажа в угольной промышленности и при доставке секретных донесений в области химической, а также угольной промышленности.

Не упоминаются "официальное немецкое лицо" (Гросскопф) и финансирование троцкистской организации германскими фирмами ("ДЕМАГ" и "БОРЗИГ"). Прозрачный намек обвинительного акта на Кёстринга и Баума совершенно отсутствует в приговоре.

Полная несостоятельность всей выдвинутой против Германии клеветы дает меру для оценки достоверности всего процесса, даже если пока невозможно определить подоплеку всех деталей этого показательного процесса. Вся аргументация построена на признаниях обвиняемых и на свидетельских показаниях арестованных. Она лишена конкретных и убедительных доказательств. Сюда относится также внутренняя не-

правдоподобность всего построения обвинения. Например, совершенно абсурдной является мысль, что Германия после войны с Советским Союзом приведет к власти в Москве Троцкого-Бронштейна и Радека-Собельсона.

Посвященный и внимательный слушатель мог временами услышать из того, на что намекали обвиняемые, что их показания были выдуманными. Например, Радек в своем заключительном слове не без намерения указал на то, что построение обвинения основывается на показаниях Пятакова о его беседе с Троцким в Осло и на письмах Троцкого к нему, Радеку, которые он, "к сожалению", сжег. На этот свой вклад в процесс Радек указал также с известной гордостью.

То, что даже прокурор чувствовал себя неловко в этом деле, показывали его неоднократные попытки оправдать в обвинительной речи процесс и его методы. Так, он счел необходимым похвалить свой материал доказательств необычным и вызывающим образом, а также заявить о смелости обвиняемых в признании вины.

Как и на прежних показательных процессах в этот раз возникает вопрос, почему обвиняемые делали признания, которые должны были повлечь за собой приговор к смертной казни. Это остается и в данном случае трудно объяснимой психологической загадкой. В отдельных случаях могло быть так, что обвиняемым обещали мягкий приговор, в других случаях им могли угрожать еще более худшим, чем смертная казнь.

Можно предполагать, что сущность процесса заключается в том, что главные обвиняемые известны как троцкисты, старые оппозиционеры и бывшие противники Сталина, что они вследствие своей кри-

тики политики Сталина стали негодными и что в глазах здешних власть имущих они образуют в связи с многочисленными случаями недовольства в партии и стране опасный центр консолидации. Вероятно также, что троцкисты как настоящие революционеры поддерживали между собой в какой-либо форме контакт.

Подобными действительными обстоятельствами, конечно, нельзя было достичь пропагандистского эффекта для режима Сталина. Обсуждение критики, пожалуй, действительно проводимой обвиняемыми в адрес сталинских методов из-за их отклонения от марксистско-ленинской линии, было недопустимо в открытом процессе.

Лишь подсказав обвиняемым преступные заблуждения в учениях и приписав им изменнические действия, направленные против Советского Союза, можно было достичь желаемых целей.

Одну из этих целей следует усматривать в дискредитации Троцкого и его сторонников за границей. Если Троцкий упрекает Сталина в измене революции, то Сталин упрекает Троцкого в измене Родине — Советскому Союзу. Мнимая связь Троцкого с Германией и Японией должна при этом особенно сильно скомпрометировать его. То, что борьба за власть и идеологическая борьба между сталинизмом и троцкизмом особенно в Испании и Франции относится к причинам этого процесса, ясно следовало из заключительного слова Радека.

Что касается Советского Союза, то процесс должен был явиться дальнейшим сокрушающим ударом против оппозиции и должен был устрашить всех недовольных. Он должен был предостеречь всех тех, которые не хотят понять направленную на усиление военной мощи России политику Сталина и бегают с книгами Ленина под мышкой, и дать им понять, что их умничанье является игрой со смертью.

Дальнейшая существенная цель процесса состоит в том, чтобы заклеить Германию и Японию. Обоих главных врагов Советского Союза, участников направленного против Коминтерна договора, пытаются изобразить империалистическими бандитами, стремящимися самым недостойным образом вмешаться во внутренние дела Советского Союза. Таким путем противникам приписывается то, что делает сама Москва.

Эти цели должны были показаться организаторам процесса настолько важными, что они скрепя сердце идут на любое неблагоприятное впечатление за границей о внутреннем положении в Советском Союзе. Эти неблагоприятные воздействия не сможет устранить также и пущенная в ход советская пропаганда.

Среди известных советских показательных процессов только что закончившийся процесс против Пятакова-Радека несомненно является самым значительным, но, пожалуй, не последним.

Подпись: Шуленбург.

В Министерство Иностранных Дел
Б е р л и н

Перевел:

В. Попов

(В. Попов)

Перевод с немецкого
Москва, 8 февраля 1937 г.

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
Журнал № А/310

В связи с донесением А/270 от 1 февраля с.г.

Содержание: Картина настроений в Советском Союзе после процесса против Пятакова, Радека, Сокольников и сообщников.

Из официальных сообщений, последовавших после окончания процесса против троцкистского "Параллельного центра" (Пятаков, Радек, Сокольников и сообщники), следовало, что Центральный Исполнительный Комитет СССР отклонил прошения 13 приговоренных к смертной казни обвиняемых о помиловании и что вынесенный против них приговор приведен в исполнение. После этого советская печать несколько дней изливалась в сообщениях, восхвалявших кровавый приговор как выражение высшей справедливости, причем в качестве доказательства "одобрения" населением приводились резолюции коллективов заводов, союзов служащих и других собраний, которые предписанным им образом высказывались о глубокой проницательности советского правосудия и низости преступников. При этом советская печать возвращалась также к голосам зарубежной печати в той мере, в какой они были заодно с нею вследствие партийно-политической ослепленности, недостаточной ориентации или злого умысла. Поэтому непосвященный в местную обстановку наблюдатель мог быть тем более легко введен в заблуждение относительно действительного положения вещей, что до сих пор почти полностью отсутствовали внешние признаки сильного внутреннего беспокойства, господствующего в Советском Союзе со времени обоих процессов против троцкистов. Все, что часть европейской прессы распространяла за последние дни о мнимых демонстрациях войск в пользу Ворошилова, общественных беспорядках,

поджогах и т.д., не соответствует истине, так как ничего подобного здесь на самом деле не произошло. Тем не менее, во всех этих сообщениях, в том что касается психологии, имеется зерно правды, поскольку они отражают нервозность и неуверенность, царящие в жизни Советского Союза со времени процессов против троцкистов.

Да и как может быть иначе в стране, где самые высокопоставленные лица уличаются путем показательных процессов в самых подлых преступлениях против государства, его экономики и человеческой жизни и где эти лица публично и безоговорочно признаются в своих преступлениях? Как может, например, чиновник Комиссариата иностранных дел уверенно и спокойно выполнять свои обязанности, если один из самых известных советских дипломатов Сокольников должен терпеть обвинение в том, что он, совершая государственную измену, конспирировал с представителями одной из иностранных держав? Как можно требовать от техника на любом из советских предприятий хотя бы искры доверия к своему начальнику, если, начиная с заместителя народного комиссара тяжелой промышленности, на руководящих постах якобы находились вредители и саботажники? Как может железнодорожник выполнять тяжелые обязанности своей профессии, если он не уверен, не будет ли он завтра заклеен как "троцкист" и обвинен в том, что преднамеренно учинял крупнейшие железнодорожные катастрофы по подстрекательству представителей одной иностранной враждебной державы? Правда, советские газеты полны решениями и прочими публикациями, согласно которым вредители отныне окончательно уничтожены и трудящиеся повсюду сплачиваются, чтобы за короткие сроки восстановить причиненный ущерб, однако действительная обстановка высмеивает все эти утверждения.

Дело не только в том, что в печати постоянно призывают к повышенной бдительности по отношению к внутреннему и внешнему врагу, одновременно во всем СССР непрерывно проходят аресты в масштабах, необычных даже для местных условий. Даже приблизительно не известно точное число лиц, чей арест находится в какой-либо связи с преследованием троцкистов и "повышенной бдительностью по отношению к фашистским проидам". То, что их число должно исчисляться тысячами, вытекает из факта, что лишь в ходе последнего процесса было названо примерно 125 фамилий лиц, которые известны в советской общественности и считаются так сильно скомпрометированными вследствие их привлечения к процессу, что нет сомнений в их аресте. К ним относятся, прежде всего, бывший председатель Совета Народных Комиссаров СССР Рыков, который был последнее время народным комиссаром почт и телеграфа, и Бухарин, бывший главный редактор правительственного органа "Известия", против которых вместе с некоторыми другими сторонниками "правой оппозиции" в ближайшее время должен быть устроен процесс. Наряду с этим возникают такие имена как Биткер, занимавший когда-то высокий пост в торгпредстве в Берлине и возглавлявший в последнее время всю резиновую промышленность Советского Союза, Емшанов, который был 15 лет назад комиссаром железных дорог, Раковский, когда-то председатель Совета Народных Комиссаров Украины и посол, Мдивани, когда-то торгпред в Париже и обладатель высоких постов на своей родине в Грузии, и многие другие. Характерным для масштабов и характера арестов, распространяющихся на все слои активных и бывших советских руководящих деятелей, является тот факт, что, например, из Одессы докладывают об аресте заместителя председателя облисполкома, а также "примерно пятидесяти директоров и

других руководителей тамошних крупных и мелких предприятий". Из Киева сообщают, что только там "число арестованных троцкистов исчисляется тысячами".

Советские газеты конечно полностью замалчивают факт арестов. Характерной является, однако, позиция экономической печати, которая подчас обнаруживает такую неуверенность и беспомощность, что тем самым при оценке экономических событий подчас весьма опасным образом стираются грани между полезными делами и актами вредительства.

Настроение в широких кругах лиц, занятых в политике и экономике СССР, определяется сознанием, что над ними всеми постоянно висит дамоклов меч ареста и что никто не застрахован от того, что бы не быть завтра заклеянным в качестве троцкиста и фашистского заговорщика. Лишь жестокой беспощадностью властей и запуганностью подчиненных следует объяснить то, что до сих пор это не привело ни к каким потрясениям режима и вряд ли этого можно ожидать в ближайшем будущем. Однако остается фактом, что методы, которыми правит Сталин, поощряют посредственности и причиняют непоправимый ущерб духовным силам русского народа.

Подпись: Шуленбург

В Министерство Иностранных Дел

Б е р л и н

Перевел: *В. Попов*
/В. Попов/

8990